

КОСИЧ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

РУЦУКСКИЙ ОТРЯД

Участие 12-го Корпуса входившего в состав Руцукского отряда в кампании 1877-78 годов

Из записок бывшего Начальника Штаба 12-го Корпуса Свиты Его Величества
Генерал-Майора КОСИЧА

НАЧАЛО ПОХОДА

В 1875 году в Европейской Турции и именно в Герцеговине вспыхнуло восстание. Периодические вспышки (славян против турецкого владычества) никогда не вызывали прежде в России такого движения и такого сочувствия, как в 1875 году. Вследствие такой моральной и отчасти материальной поддержки, восстание принимало все большие размеры;

пожарным пламенем оно перекинулось и охватило Боснию и затем увлекло в войну с Турцией, сначала воинственную Черногорию и наконец совсем миролюбивую Сербию. В предвидении событий, осенью 1875 года в Кишинёве несколько офицеров Генерального Штаба (в числе их командующий 14 дивизией генерал Драгомиров, я, в то время командир 2 бригады кавалерийской дивизии, полковник Духонин, барон Каулебарс и др.) условились совместно ближе ознакомиться с Европейскою Турциею, как вероятным театром войны. Приступив к собранию материалов, мы были удивлены крайнею их недостаточностью; это объясняется тем, что Россия еще так недавно начала интересоваться славянами. Существует рассказ, что еще в 1828-29 годах один из русских высших военных начальников, впрочем, немец по происхождению, выражал удивление (принимая болгар за татар) особой их смышленности, так как они в две-три недели осваивались с русским языком настолько, что могли понимать простые фразы. Сами болгары не смотрели на войну русских с турками в 1806-12 и даже 1828 и 29 годах, как на свое освобождение, до такой степени, что во время блокады нашею армиею Шумлы, болгары формировали банды, которые нападали на русские транспорты, словом действовали не как противники турок, а как их союзники.

Перебрав недостаточные материалы по этому предмету, мы приступили к общим военным беседам в среде многочисленного кишинёвского военного общества. Генерал Драгомиров взял на себя разъяснение общих вопросов войны, я предложил что-то о войне с Турцией 1806-12 г., сведения о которой, несмотря на всю поучительность, были вообще мало известны. По окончании чтения об этой кампании, (это было в январе 1876 г.) я позволил себе коснуться предположения на случай могущей возникнуть новой войны с Турцией. В то время существовало такое убеждение о слабости Турции, что достаточно было перевести через Дунай незначительную армию, и Турецкая Империя перестанет существовать; при более близком изучении оборонительных средств Турции, с этим согласиться было нельзя, но, приняв взгляд этот за основание, я на своих лекциях высказал мнение, что одновременно с переходом через Дунай необходимо было иметь близко к театру войны, в резерве, для всяких военных и политических случайностей, армию в 200 тысяч человек. События последней войны подтвердили этот вывод; начав кампанию со 150 тысячною армиею, мы должны были постепенно довести ее до полумиллионного состава. В конце лета 1876 года начали переходить через границу первые русские добровольцы. Через Кишинёв проехали М. Г. Черняев, Н. А. Киреев и другие лица для принятия участия в борьбе славян с турками. Число всех добровольцев трудно было определить, но, судя по возбуждению, которое поднято было этим движением, их казалось очень много; некоторые насчитывали до 15 тысяч, на самом же деле в Сербию прибыло не более 3000 русских добровольцев. Тем не менее, по всем признакам можно было ожидать, что этим дело не ограничится и что Россия примет в борьбе более существенное участие.

Между тем политические события шли быстро. Летом 1876 г. никто не думал еще о большой войне, а уже в сентябре месяце, в Одессе, в военных кружках, сделалось известно о подготовительных мерах к мобилизации части наших войск. Сначала предполагалось сформировать незначительные силы (отдельный корпус), с целью простой оккупации Болгарии, но затем в конце октября было решено поставить на военную ногу сначала 4, а потом 6 корпусов для более серьезной угрозы Турции; но так как Турция, располагая значительным военным флотом на Черном море, могла в два дня выслать целую эскадру к нашим южным берегам, а потому по плану генерал-адъютанта Тотлебена приступили к укреплению Одессы, Севастополя, Очакова. Одновременно с этим, в случае разрыва с Турцией, являлось даже предположение, воспользовавшись судами Русского Общества Пароходства и Торговли, сделать десант в Бургас или в Варну, для чего предназначалась и 3 пехотная дивизия. 1-го ноября объявлена была мобилизация войск в округах Одесском, Киевском и Харьковском с формированием из них 6 корпусов от 7-го 12-го.

Первым днем мобилизации назначено 2 ноября (для упрощения расчетов удобнее было бы назначить 1-м днем 1-го ноября). 12-й корпус был составлен из дивизий пехотных 12-й (генерал-лейтенант барон Фиркс), 33-й (Свиты Его Величества генерал-майор Тимофеев) и 12 кавалерийской дивизии (генерал-лейтенант барон Дризен). Командиром корпуса назначен начальник 33 пехотной дивизии генерал-лейтенант Ванновский* (командовавший прежде и 12-й пехотной дивизией).

9, 10, 11, 12 корпуса составили действующую армию под начальством Великого Князя Николая Николаевича Старшего. Мобилизация совершилась в самое неблагоприятное время года, среди грязи, распутицы и притом с лихорадочною поспешностью; призыв запасных шел быстро; объявлена новая конская повинность; спешно формировались новые штабы, госпитали, интендантские транспорты. Многие меры практиковались в первый раз; но во всей этой

спешности проглядывало что-то нерешительное, демонстративное, все имело вид одной только угрозы, но не серьезной решимости вести войну, во чтобы то ни стало; очевидно, войны не хотели, но сила обстоятельств влекла нас к ней; при этой спешности во многом мы были застигнуты как бы врасплох; Р. Сугус говорит: "приготовляйтесь к войне медленно, чтобы вести ее скоро." Нет никакого сомнения, мы имели ввиду последнее, но упустили первую часть истины, именно потому, что не особенно желали войны, вследствие чего и было мало желания готовиться к ней систематически.

ВАННОВСКИЙ Петр Семенович (1822-1904 года), российский государственный деятель, генерал от инфантерии (1883 г.). В 1877 г., командуя 12-м армейским корпусом, перешел Дунай у Зимницы и 27 июня назначен исправляющим должность начальника штаба Руцукского отряда, позже командующий Руцукского отряда.

Почетный член Петербургской АН (1888 г.). В 1881-97 военный министр, в 1901-02 министр народного просвещения. *Здесь и далее комментарии, отмеченные ** - наши. И. К.*

При таком деле громадной важности, как мобилизация армии, суетливой торопливости следует избегать, так как при общем ходе войны, неделя и даже две, в подобном случае, ничего не значит, а лишние несколько дней дают возможность, что называется, разобраться; людей можно было бы распределить более правильно, так, например, в артиллерию, при значительном запасе артиллеристов, много поступило пехотных солдат; в стрелковые батальоны не попадали стрелки; ловкие кавалеристы назначались из запаса в пехоту и в другие части, но не в кавалерию, а более всего в интендантские транспорты; было очень досадно видеть, как ловкие, brave наездники: вахмистры, унтер-офицеры, обращались в интендантских погонцев, в то время, когда кавалерия имела 1/5 неопытных, слабых, молодых, неспособных кавалеристов, не умеющих даже порядочно ездить верхом и т. п.

Все приготовления при мобилизации делались к зимней кампании. Объявлены были подряды на заготовление 4-х месячного довольствия; заготавлилось прессованное сено в огромном количестве (около 1 1/2 миллиона пудов) с целью подвозки его к Болгарии по румынским железным дорогам; открыто было хлебопечение в Кишинёве, где предполагалось заготавливать в значительном количестве сухари; но расчеты на быстрое хлебопечение в Кишинёве не оправдывались; устройство печей запоздало на целый месяц, кроме того Кишинёв, по своему безводию, отсутствию леса и, как средоточие полевых военных управлений армии, страшно загроможденный, не мог служить центром каких бы то ни было хозяйственных операций. При отсутствии железных путей ещё можно было примириться с

необходимостью назначить хлебопечение и заготовление сухарей в таком бойком, близком к границе пункте и при том центре управлений, армии как Кишинёв, но с развитием сети железных дорог можно было бы заготовление сухарей разложить, так сказать, на всю Россию.

Интендантские транспорты сформированы были в 14 тысяч лошадей; для этих транспортов в Бессарабии и Херсонской губернии и вообще на Юге предполагалось приобрести немецкие, парные фургоны; заготовление и покупка значительного количества превосходных немецких повозок в означенных местах не представляло затруднений; местные губернаторы заявили, что к назначенному сроку фургоны будут на местах, но вследствие распоряжения Главного Интендантского Управления, за подрядившего через военное комиссионерство огромное количество из великой Россия русских телег троечной упряжи, подряд немецких фургонов был сокращен; при этом казалось следовало бы уменьшить поставку от Бессарабской губернии, как ближайшей к театру будущей войны, а не от Херсонской, более отдаленной.

Доставленные на Юг троечные повозки обошлись казне очень дорого; они оказались или очень малы, в виде лоточков, или слишком громоздки и неуклюжи и при том непрочны, с дурными оковками, осями из мягкого дерева, с дурною непрочною упряжею; в довершение всего на троечную повозку, определенную на 45 пудов, по опыту произведенному в феврале в Кишинёве, оказалось возможно было положить всего только около 18 пудов, и то прессованного, сена. Непрактичные телеги эти, составляя в походе бремя транспортных отделений, мало по малу, по непрочности и непрактичности уничтожались, и во время кампании заменялись немецкими фургонами. Кавалерия, ввиду скорого похода, снабжалась соломорезками, косами, верёвками (вероятно, для глубоких колодцев Добруджи), консервами и т. д. Расчет на румынские железные дороги оказался ошибочным. Прежде всего, потому, что узкая колея их не сходилась с нашими рельсами. Система различия наших рельсов с европейскими есть своего рода китайская стена; мера эта была принята у нас, чтобы затруднить неприятелю в случае войны воспользоваться рельсовыми путями при вторжении в наши пределы. Но в минуту войны постройка преград противнику достигалась бы легче капитальною порчею железнодорожных сооружений, мостов и т. д. Между тем войны повторяются в 20- 30 лет один раз, в эти промежутки экономическая жизнь народа страдает от неоднородности рельсов гораздо более, нежели от последствий даже неудачной войны. Для устранения неудобств в железнодорожном отношении являлись различные предложения: например расширить румынские пути (это оказалось невозможно без перестройки многих станционных сооружений), проложить второй путь по Румынии, или продолжить заграничную колею до Кишинёва или до Унген, где сделать главную посадку войск и т. д. Но все эти проекты в продолжении всей кампании не были осуществлены.

В конце ноября корпуса действующей армии начали сосредоточиваться к границе; 12-й корпус, по дислокации, располагался в Бессарабии, имея корпусную квартиру в г. Оргееве. При составлении общей дислокации такие пункты, например, как Бендеры, где многие части высаживались с железной дороги и расходились в разные стороны-полезно оставлять свободными от квартирования войск, точно так же как при составлении маршрутов назначать пути следования по возможности вдоль рек и балок (оврагов), а не поперек.

Войска, проходящие через Кишинёв, были встречаемы Главнокомандующим. Великий Князь обращался к частям со словами военного приветствия, выражая надежду на их боевую доблесть. Иностранцы с интересом следили за ходом этих смотров и за составом наших войск; в иностранных газетах появились о них отчеты, суждения; пехота наша вызывала похвалы.

На основании быстрой мобилизации, все были в ожидании немедленного похода; до такой степени поход казался близок и до такой степени легок и непродолжителен, что штабные не имели другой формы кроме каски, шитого мундира и длинных сапог;

впоследствии в продолжение затянувшегося похода, элегантные мундиры с удовольствием заменялись не только сюртуками, но даже простыми полушубками.

Между тем обстоятельства складывались иначе, переговоры затянулись; зимняя кампания была отложена и войска, вместо одного, оставались неподвижно в Бессарабии около 5-ти месяцев.

В это время шли дипломатические переговоры; дела были в каком то неопределенном положении. Являлось предположение и даже отчасти уверенность, что похода не будет, хотя иностранцы (в Одессе, напр.) твердо верили в войну. Потекла скучная и однообразная жизнь в неблагоустроенной и негостеприимной Бессарабии; ко всему этому в декабре месяце здоровье Великого Князя подверглось серьезной опасности. Болезнь Главнокомандующего** налагала, при общем неопределенном положении дел, какой- то особый отпечаток, начинающейся апатии; общему настроению способствовала крайне неприглядная внешность Бессарабии, с главным городом Кишинёвым.

Генерал-фельдмаршал
Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

**НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
(Старший) (1831, Царское Село - 1891), Великий Князь, генерал-фельдмаршал (1878). Третий сын имп. Николая I. С 1852 ген.-инспектор инж. войск, с 1864 ген.-инспектор кавалерии. С 1855 чл. Гос. совета. В 1864-80 команд. войсками гвардии и С.-Петербург. ВО.
В ходе рус.-тур. войны 1877-78 главнокомандующий действующей армией на Балканах.

Бессарабия была отторгнута от Молдавии и взята от Турции по миру 1812 года. Кишинёв был создан, как главный город, из простого поселка (Киш-нау, в переводе с молдавского - "новый зимовник скота") благодаря тому, что Галатский монастырь пожертвовал 4 т. десятин и в этом месте был создан областной центр. В 1876 г. город, имея более 100 т. жителей, был тем не менее совершенно запущенный и грязный; он представлял крайнюю степень беспорядочности и отсутствия всего, что нужно для благоустроенного города: ни мостовых, ни освещения, ни чистой воды; с огромными непросыхающими лужами, среди улиц и площадей, город довольствуется водою из колодезей, в которые просачивается (фильтруется) вода из обширных кладбищ расположенных на высотах над городом. Вследствие неблагоприятных обстоятельств, вообще независимо местной

малярии, смертность в Кишинёве весьма значительна.

Сама Бессарабия представляет совершенно инородную страну, преимущественно с молдавским населением, не говорящим по-русски, без благоустроенных дорог, с отвратительно-грязными городами, переполненными еще более грязными евреями,

укрывающимися иногда здесь с турецкими и румынскими паспортами от воинской повинности и нередко занимающимися контрабандным промыслом.

Бессарабия, тем не менее, представляет, по своим климатическим, почвенным и экономическим условиям, богатую провинцию, но это необработанный и не ограненный алмаз в короне Русского Государства.

Таким образом прошла зима.

Наступал март месяц; о войне почти уже не говорили. В конце марта прошли смутные слухи о скором походе, но никто не знал наверное обратном ли в Россию или за границу, или для общего лагерного сбора, куда, как говорили, прибудет Государь, чтобы произвести смотр и распустить войска.

В начале апреля все недоумения рассеялись, когда были получены маршруты для перехода границы и движения армии к Бухаресту.

Война была решена, полученные маршруты показывали, однако, что на железную дорогу,

для движения по ней армии и на скорое сосредоточению её к Дунаю, уже не рассчитывали; масса войск должна была идти грунтовыми дорогами и таким образом предполагаемое сосредоточение армии к Дунаю в несколько дней, обратилось в медленное хотя и форсированное движение через Румынию и сосредоточение всех войск к Дунаю едва в два месяца.

Форсировать движение приходилось потому, что турки до прихода наших войск могли, во 1-х взорвать Барбошский мост, самый важный пункт на главной нашей коммуникационной линии, а во 2-х перейти Дунай, занять Бухарест и внести войну в Румынию.

В начале апреля войска двинулись с зимних стоянок и шли по страшно трудным и загрязненным дорогам Бессарабии; обозы, артиллерия испытывали крайние затруднения; 12 кавалерийская дивизия помогала своим обозам, припрягая к ним строевых лошадей.

В начале апреля ожидали приезда к армии Государя, по пути из Петербурга предполагались высочайшие смотры войск.

11 апреля вечером назначен был высочайший смотр в Унгенах на границе Румынии; к этому пункту сосредоточивались 12-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии; между тем уже несколько недель шли проливные дожди, дороги обратились в непроходимые болота, обозы, парки не могли следовать по маршруту; войска становилась на биваки буквально по колена в грязи; легкие палатки представляли только идею закрытия; казалось, что разверзлись хляби небесные, чтобы затопить всю местность Юго-Западного края, по которому по всем направлениям двигались войска.

Каждый день, казалось, можно было ожидать, что вся атмосферная влага пала уже на землю, но на другой день дождь шел все сильнее и сильнее.

11-го апреля подул холодный ветер и дождь превратился в снежную мокрую метель, в короткое время все поля покрылись довольно глубоким слоем снега; после обеда для Высочайшего смотра войска стали в линии; в 6-м часу вечера прибыл Государь; погода несколько не унималась; несмотря на все это, войска были бодры и при том в отличном виде; удивительнее всего было то, что они щеголяли своею прекрасно сохраненною одеждою; остается загадкою, каким образом при подобных условиях они могли сберечь в таком виде свои мундиры. По окончании смотра на самом рубеже России, Государь, объезжая стройные ряды полков, вызвав вперед офицеров, благодарил за блестящий вид, в котором войска представились и вместе с тем Его Величество выражал надежду, что они, по примеру бывших в рядах севастопольцев, исполнят свято свой долг. С каким-то особенным одушевлением войска отвечали на приветствие Государя; здесь на пограничном рубеже эта военная картина производила поразительный эффект. После смотра Государь уехал обратно в Кишинёв. Начальник полевого штаба передал нам, из рук в руки, массы прокламаций к румынскому народу, с которыми мы должны были перейти границу и вступить в румынские владения.

О движении за границу 12 апреля отдано было следующее распоряжение: с началом движения к составу 12-го корпуса присоединяются 8 кавалерийская дивизия, сводная казачья бригада (21 и 26 пол.) и донской казачий №37 полк.

Корпус переходит границу в м. Скулянах и с. Унгены в двух колоннах; в правой вся кавалерия (генерал-лейтенанта бар. Дризена), левая колонна пехота с одной Уральской сотней и 6-й Телеграфный парк; штаб Корпуса при 1 эшелоне левой колонны, 1-й эшелон правой колонны вступал в Яссы 12-го апреля, 30 апреля по маршруту должен был быть уже в г. Александрии (60 верст за Бухарестом), 1-й эшелон пехоты вступал в Яссы 14 апреля и 6-го мая подходил к Бухаресту. Бригады составляли эшелоны. К каждому пех. эшелону, для соблюдения полицейского порядка, назначено было по 5-ти жандармов¹.

Воинам 12-го корпуса подтверждено было, чтобы они со вступлением в Румынию, относились к жителям дружелюбно и соблюдали строжайший порядок. Предписывалось относительно румынских войск соблюдать порядок взаимных воинских

отношений как в собственной армии.

12 апреля полки 8-й кавалерийской дивизии, во главе 12 корпуса, перешли через железнодорожный мост на р. Пруте и вступили в Румынию. Румынский часовой и таможенный сторож, формализуясь, запротестовали против движения не утвержденного еще румынским парламентом, но затем, исполнив свою обязанность, остались равнодушными зрителями вступления чужеземной армии. При переходе через границу войска на первых порах встретили затруднения. Еще 10 апреля, в ожидании перехода через границу, по произведенной рекогносцировке румынской стороны р. Прута, оказалось следующее: железнодорожный мост через Прут (единственная через него переправа) в Унгенах, был в 6 или 7 верстах от румынского шоссе, ведущего от р. Прут до г. Ясс; путь от моста до шоссе пролегает вдоль реки, которая, выйдя из берегов, затопила всю окрестность, и по этому-то руслу предстояло проходить войскам.

Чтобы насколько возможно облегчить движение, командир 12 корпуса генерал-лейтенант Ванновский выслал на дорогу сапер; но все усилия их были напрасны; фашины, изготавливаемые для гатирования дороги из хвороста, приобретаемого за дорожную цену от румынских владельцев, бесследно погружались в болотную трясиину. Кавалерия наша, преодолев трудности перехода на протяжении 7-ми верст, плывя по болоту, кое как вышла на шоссе; для артиллерии же и в особенности для войскового обоза, предстояло тяжелое испытание, они буквально тонули в болотной зыби; все вспомогательные усилия разбивались в прах; саперы работали дни и ночи по укреплению дороги и все это бесследно тонуло в грязи; лошади положительно не могли вывозить повозок, войска на своих плечах вытаскивали обозы; волы, пригнанные по наряду из Бессарабии, погибали, не принося пользы; при этих условиях обозы, пространство в 7 верста, делали в 2-3 дня; войска вследствие того сильно запаздывали и не исполняли движения по маршруту; роты, остававшиеся для помощи обозам, догоняли полки, ушедшие вперед, делая до 60 верст в сутки.

Первые эшелоны войск были встречены в Яссах с недоумением; ни румынское правительство, ни администрация не сделали никаких распоряжений и даже предувещаний жителей о выступлении и проходе русских войск через Яссы; первое время никто не хотел отводить квартир, возникли недоразумения, наконец, вопрос о квартирах начал улаживаться вследствие громадных затруднений при первом переходе, войска очень запаздывали и большею частью приходили ночью и даже к утру под проливным дождем; темнота, незнакомая местность, неизвестный город, чуждый язык, неопределенность отношений к румынам, неотвод квартир и помещений, пререкания с местными властями, отсутствие пристанища, при измокшей до нитки одежде, отставшие обозы, запаздывавшая варка пищи, холод, все это ставило войска в тяжелые условия и при этом, тот совершенно новый способ довольствия войск, о котором будет сказано ниже.

Таким образом, первое впечатление похода, начиная с форсированных переходов, под разверзшимися хлябями, по ужасным дорогам Бессарабии, было неблагоприятно. Сильные разливы воды затопили также окрестности Ясс; железная дорога была размыта, мостики снесены, поезда пристановились; войска 1-й бригады 32 дивизии, торопившиеся к занятию узла сообщений и самого важного стратегического пункта Галац-Барбош, по несколько дней сидели в вагонах в Унгенах, рядом с поездами орудий большого калибра, назначенных для Галаца же и Барбошского моста.

Общий ход военных действий на Балканах

Тем не менее впечатление, которое производили Яссы на войска было вообще очень хорошее; оно было смешано с некоторым недоумением и в самом деле мы только что оставили Бессарабию с её первобытными дорогами, без шоссе, с грязными вонючими городами, и потому Яссы со своими асфальтовыми мостовыми, с газовым освещением, прекрасными извозчичьими экипажами ², с красивыми магазинами и домиками среди цветов и зелени, с красивым загородным гулянием, с отличными комфортабельно устроенными квартирами (по отводу), производили на всех приятное впечатление; невольно возникал вопрос почему такая разница?

Командир 12 корпуса генерал Ванновский вместе со штабом 12 корпуса остановился на несколько дней в Яссах, чтобы пропустить войска и восстановить нарушенный, распутицею, порядок; все эшелоны были осмотрены и далее уже, в порядке, направлялись по благоустроенным румынским шоссеиным путям.

Теперь скажем несколько слов о порядке довольствия войск во время похода; как выше упомянуто, сформированная в ноябре 1876 года, для войны с Турцией, действующая армия готовилась к зимней кампании, все первоначальные интендантские заготовки направлялись именно к этой цели и были предприняты на основании соображений Главных Управлений Военного Министерства.

Когда мысль о зимней кампании была оставлена, переговоры затянулись и когда явилось даже предположение, что войны не будет и потому, ограничившись заготовкой для армии 4-х месячной пропорции продовольственных продуктов, уже не приступали к дальнейшим хозяйственным приготовлениям на случай похода за границу весною. Объяснялось это тем, что заблаговременные закупки или подряды в Румынии могли не соответствовать нашим миролюбивым намерениям и переговорам, обнаруживая наши воинственные замыслы, а во-вторых, самых заготовлений нельзя было делать за границу потому, что, до объявления войны, конвенция с Румынией не была заключена, а вопрос об отпуске металлических денег, для заграничного похода, решался в Петербурге в Министерстве Финансов, постоянно, в отрицательном смысле.

Таким образом, война застала интендантство, так сказать, врасплох; интендантских рекогносцировок как равно и военных, перед вступлением наших войск в Румынию, по политическим и другим причинам, сделано было недостаточно. Вследствие, вероятно этих сложных, но исключительных обстоятельству продовольствие армии с объявлением войны, вверено было, никому тогда еще неизвестному, товариществу, причем войска почти не были предупреждены о новом способе довольствия; контракт с товариществом "Горвиц, Грегер и Коган" еще не был подписан; он был заключен 16-го апреля и впоследствии был весьма мало распространен в войсках. 30-го марта 1877 года полевой интендант сообщил только образовавшемуся товариществу, под строжайшею тайною, что, ввиду необходимости распорядиться довольствием войск, во время движения их за границу и в течение первых двух недель пребывания их там, Его Императорское Высочество Главнокомандующий повелел, не ожидая составления контракта (который в то время нельзя было заключить, так как лица, составляющие товарищество, прибыли в Кишинёв только 25-го марта) дать ему наряд, взяв подписку, что товарищество примет расчет, сделанный Управлением Армии и вообще подчинится всем тем условиям, которые будут утверждены Его Императорским Высочеством.

При наряде сообщались маршруты армии, в которых переход через границу начинался 12-го апреля.

Затем Интендантство делало дополнительные и последующие наряды начиная с 7-го апреля, сообразно с дальнейшими походными движениями, многие наряды получают изменения от невыполнения войсками маршрутов, вследствие дурного состояния дорог и распутицы и других причин, например, пришлось отменить заготовку хлеба для 9-го корпуса, отправляемого по железной дороге, так как по личному приказанию Главнокомандующего, хлеб был заготовлен корпусом на четыре дня и был при войсках.

Сначала наряды составлялись подробно, с обозначением пунктов заготовок, количества продуктов, после того все это делалось более в общих чертах, иногда сообщались одни только маршруты, с тем, чтобы товарищество само входило с войсками в сношения о нужных им предметах; затем просто уведомлялось о движении войск без указания времени, пунктов и т. д.

Между тем поход начинался, как выше объяснено, в самое неблагоприятное время: в марте и апреле шли проливные дожди, дороги испортились до такой степени, что в Бессарабии почти не существовало никакого сообщения; войска были собраны в Унгены, где не было никаких интендантских запасов и потому возникли затруднения в получении самых необходимых предметов довольствия, например: мяса, фуража; пуд сена доходил до рубля, в то время когда рядом в 20-ти верстах, по железной дороге на станции Пырлице, начинала уже гнить полумесячная интендантская заготовка овса, собранного для зимней кампании. Склады товарищества для довольствия войск трудно было отыскать даже днем, а как войска, запаздывая, приходили, большею частью, ночью, склады были разбросаны по разным концам большого малоизвестного города, все почти продукты лежали без закрытия, под дождем и подвергались порче, хлеб, фураж и другие предметы сдавались подмоченными.

Кавалерия, привыкшая сама покупать фураж, с неудовольствием принимала от товарищества мокрое румынское луговое сено, иногда дурного качества, и неочищенный сырой ячмень; приемка продуктов сопровождалась незнакомыми войскам иностранными мерами, иногда камнями, вместо весов; вследствие всего этого возбуждались недоразумения, ссоры; евреи старались сбывать все, что попадалось под руку войскам без разбора.

Вот начало тех неудовольствий и возбуждения, которое проявилось с такою силою против новой системы довольствия. Между прочим сделана была ошибка, что фуражное довольствие на время походного движения, не было передано самим войскам; они бы легче справились собственным попечением, а между тем громоздкость и сложность заготовки его, отвлекало агентов товарищества от других предметов, более для них подходящих, например: заготовление печеного хлеба³ и может быть мешало им приготовиться, более солидно, к дальнейшим поставкам на конечных пунктах и в склады.

В богатой Румынии кавалерия везде бы нашла фураж, который был вообще не дорог; сначала можно было приобретать пуд сена менее франка и цена его до Бухареста никогда не превышала 2-х франков; где не нашлось сена, войска заменяли бы его соломой увеличив зерновую дачу, словом обошлись бы без затруднений; между тем товарищество, сдавая подмоченный фураж и при том посредственного качества, вызывало жалобы и протесты; в особенности было неудобно, что войска, приходившие на ночлеги очень поздно, долго искали склады и наконец, добивались продуктов, в особенности фуража, иногда ко времени выступления и потому лошади, оставаясь без корма, изнурялись. За всеми войсками, которые шли поэшелонно (побригадно) должны были следовать интендантские транспорты, (при каждой пехотной дивизии отделение в 850 повозок с запасными продуктами на несколько дней, сухарей, ячменя и т. д.), но транспорты не успели прибыть к началу похода и потому войска до Бухареста шли без них, хотя полевое интендантство и сделало распоряжение, чтобы отставшие транспорты спешили к войскам форсированными переходами.

Дальнейшее движение войск по Румынии продолжалось сопровождаемое пререканиями и жалобами на товарищество; поход по Румынии был весьма тяжелый; придя на ночлег войска сталкивались со сдатчиками евреями, агентами товарищества, которые старались сбывать им, иногда пролежавший долго, за неприбытием войск, заплесневевший хлеб и другие продукты сомнительного качества, обвешивая и обмеривая приешиков; при всех этих неудобствах и трудах, русский солдат был поставлен в горькую необходимость, при мелких покупках, для личных потребностей, отдавать свой кровный кредитный рубль чуть ли не за полцены евреям-менялам частно прибывшим из России; в войсках

держался слух, может быть и несправедливый, что в числе их, как и мелких агентов товарищества были евреи, бежавшие из рядов армии; число таких беглецов было довольно значительно; например, из одной бригады в короткое время бежало около 100 евреев.

Неудовольствие против товарищества возбуждалось еще следующим обстоятельством: никто (конечно в видах сохранения военной тайны) кроме товарищества, не знал общих войсковых маршрутов, часто местные этапные, железнодорожные коменданты не знали, куда отправлять выздоравливающих и отсталых ⁴, маршруты войск, а также места складов и магазинов товарищества, были сначала неизвестны даже полевому генерал-контролеру. Полевой почтамт также был в совершенном неведении относительно нахождения войск, поэтому почтовая корреспонденция залеживалась; войска, под свежим еще впечатлением разлуки с родиной, долго не получая писем из России, сетовали на полевую почту, укоризненно ссылаясь на товарищество, которое одно знало все ⁵. В это самое время когда многие органы военных управлений армии находились в полном неведении относительно движения и положения войск, во враждебных нам австрийских газетах (напр. Neue Freie Presse) появлялись статьи с довольно подробным описанием состава действующей армии и порядка её движения к Дунаю; это приписывалось сообщениям агентов товарищества; ходили слухи, что в числе их есть турецкие шпионы; все это вместе поддерживало крайнюю враждебность и неудовольствие на товарищество; против него в войсках стоял какой-то стон.

Поход 12 корпуса через Румынию совершен был, как сказано выше, в двух главных колоннах; в первой 12-я кавалерийская дивизия, имея впереди 8-ю кавалерийскую дивизию, шли через Роман-кружным путем усиленными переходами с тем, чтобы, не доходя Бухареста, выйти в голову пехоты корпуса, идти уже по одному пути для скорейшего прикрытия Бухареста от возможного перехода турок через Дунай, до прибытия наших войск к столице Румынии. 8-я кавалерийская дивизия шла также большими переходами и не останавливаясь около Бухареста через Александрию прошла к Дунаю, для занятия линии Никополь-Зимница. 12 кавалерийская дивизия в начале мая перешла через Бухарест и расположилась впереди него в с. Копачени для прикрытия 8 корпуса направленного на Желаву. Пехота 12 корпуса шла также большими переходами от 25 до 30 верст, имея дневки на 4-й только день на Васлуй Бырлад, Текуч, Бузео, Фокшаны, Плоешти через Бухарест в окрестности Михалешти (16 верст от Бухареста). Тяжел был этот поход через Румынию, сначала под проливным дождем и разливам, затем по раскаленным камням румынского шоссе. Войска шли рядом с железными дорогами, которыми нельзя было пользоваться независимо того, что проливные дожди прекратили в начале и по ним сообщение, но и потому, что железные пути предназначались исключительно для передовых отрядов, а также для подвозки к Галацу орудий и перевозочных средств к переправе. Обстоятельство это было крайне тяжело не только для пехоты, но и для кавалерии, при которой было много пеших людей, а они должны были не отставать от конных; кавалерия же шла, даже для нея, форсированными маршами. Снаряжение пехоты было еще тяжелее, нежели в прежние походы ⁶, тяжесть которого при проливных дождях непомерно увеличивалась еще, а вовремя наступивших страшных жаров, тяжелое снаряжение совсем подрывало силы людей; в виду этого необходимо казалось слабосильных отделять в начале кампании и оставлять их от похода, так как никто из слабых не в состоянии выдержать тяжелых условий и вместо отдыха восстановления сил на родине, они окончательно теряя здоровье, делались напрасными жертвами госпиталей, переполняя их еще до столкновения с неприятелем; отстававших было целые массы; многие, благодаря тяжелым сапогам по шоссе камням натирали ноги до костей; подходя к Плоешти удалось упросить комендантов железнодорожной станции сложить двум эшелонам пехоты ранцы в вагоны на несколько переходов и это значительно облегчило людей; войска вздохнули; к сожалению, не надолго; в Плоешти ранцы должны были быть разобраны, чтобы представиться Главнокомандующему при прохождении через этот город. Войска насколько возможно бодро и в порядке представились Великому Князю после страшно утомительного похода,

хотя было много отставших. В приказе 4 мая (Плоешти) корпусной командир объявил, что Главнокомандующий при осмотре эшелона 2-й бригады 12 пехотной дивизии заметил, что в Одесском полку много подбившихся людей ⁷. Корпусной командир, поставляя это начальникам частей на вид, заметил между прочим, что это происходит от высоких каблуков, которые были еще прежде запрещены, что офицеры и унтер-офицеры не осматривают на ночлегах и дневках ноги людей и т. д. Вследствие того командир корпуса приказал идущим в походе пешком дозволить завести поршни (башмаки, опанки). Офицерам разрешено вместо кителей носить гимнастические рубашки. Несмотря на все трудности похода и на спешность его, войска все время сохранили в походе отличный порядок. Еще в конце апреля было объявлено по корпусу, что Государь Император и Главнокомандующий изволили выразить Высочайшее благоволение и благодарность Его Высочества, что войска 12 корпуса следуют по Румынии в примерном порядке благоустроенных войск и что жители края весьма довольны их миролюбивыми к ним отношениями; причем в приказе выражалась уверенность, что войска умеющие заслужить уважение на чужбине, исполнят честно и свое боевое назначение.

В иностранных корреспонденциях появились описания и характеристика наших войск; большею частью отзывы были весьма благоприятны. "Русский солдат, принимая хлеб" пишет один француз, "осеняет себя крестным знаменем", но много было и чепухи; так, тот же корреспондент восхваляя казаков, говорит об их вежливости, что целуют у дам ручки и т. п. вздор. Во время похода 12 корпуса были между прочими сделаны и приняты следующие распоряжения и меры: 23 апреля приказом по корпусу в Текуче предложено войскам подготовить в каждой части для предстоящих военных действий одного или двух офицеров, на которых можно было бы возложить собрание сведений о крае, исправление карт, указание дорог, выбор позиций, биваков, аванпостных расположений и т. д., причем предлагалось начальникам частей всеми мерами способствовать и поддерживать это дело в войсках; от корпусного штаба обещано всевозможное содействие посредством сообщения нужных сведений и т. д. Приказанием по корпусу 27 апреля (Фокшаны) требовалось между прочим, чтобы в частях войск собирались сведения о крае через который проходят или в котором временно располагаются; предписано эшелонам, следующим через город, в которых есть отделения полевого почтамта, принимать всю корреспонденцию, адресованную в корпусный штаб, управление и эшелоны впереди идущие и передавать таковую через квартирмейстеров впереди идущим по адресам. 30 апреля (Бузео) предписано, для облегчения сношений с двигающимися войсками, чтобы все офицеры, приезжающие и отъезжающие, являлись в корпусный штаб для получения поручений, передачи им приказаний, корреспонденции и т. д., эта мера весьма облегчала сношения с войсками. Приказом по корпусу 1-го мая (Бузео), подтверждено, чтобы непременно людям выдавалось по 3/4 ф. говядины, так как по назначенным дням к этому представлялась полная возможность и, чтобы пища приготовлялась вполне доброкачественная.

5 мая (Плоешти), ввиду затруднений и дороговизны при найме квартир в румынских городах от корпусного штаба, было объявлено, что офицерам приезжающим в штаб по поручениям и вообще по службе, будут по возможности отводиться помещения при самом корпусном штабе. В то же время потребованы были от войск списки офицерам, которые по своему образованию или по специальной подготовке могут выполнять особые поручения напр. знающие саперное и инженерное дело, исправление дорог, постройку мостов, батарей, управление судами и т. д. знающие иностранные языки, не исключая восточных.

В Плоешти был издан при корпусном штабе для войск словарь более употребительных румынских слов. Объявлено корпусу, что в Бухаресте в магазине Сочека и К⁰ имеются хорошие карты Валахии и Турции. Австрийские карты Румынии, составленные еще в 1855 г. превосходны: они делают честь австрийскому генеральному штабу-подобно многим трудам

нашего военно-топографического депо, скромная, но в высшей степени добросовестная и полезная деятельность которого, мало известна в России, где нашими превосходными, например, 3-х верстными, картами, очень мало пользуются для административных и хозяйственных целей и даже редко знают о существовании этих прекрасных трудов нашего 33-го Военного Министерства.

В числе выдающихся явлений похода нельзя не упомянуть о следующем обстоятельстве. Второочередной 37-й казачий полк, прикомандированный к 12 корпусу прибыл к штабу корпуса в Яссы. Осмотрев его по приказанию командира корпуса, а равно и другие два полка 21 и 26, проходящие через Яссы, и, будучи давно знаком с особенностью казачьего снаряжения, я обратил особенное внимание казаков и их начальников на то, чтобы они берегли от набоев лошадей и, что в кавалерии, у казаков в особенности, есть враг хуже гранат и пуль неприятельских, это дурно сделанные и дурно пригнанные ленчики; в Текуче⁸, я подробно осмотрел казачьих лошадей 37-го полка 5 сотни шедшей с корпусным обозом, и несмотря на то, что казаки были предупреждены в Яссах, следовательно обращали на лошадей внимание, в сотне оказалось 58 набитых лошадей до такой степени, что я вынужден был оставить лошадей (значит $\frac{1}{2}$ сотни) под командой офицера до поправления в Текуче, ибо дальнейшее движение было равносильно окончательному уничтожению их; когда 37 полк прибыл под Бухарест, я также нашел в полку ослабевших и набитых более 200 лошадей; но благодаря 3-х недельной остановке полк был приведен в порядок и затем всю кампанию в 12 корпусе служил отлично.

В начале мая войска 12-го корпуса начали сосредоточиваться в окрестности Бухареста (близ Михалешти) где и простояли до начала июня; причина остановки заключалась в необходимости обождать подхода остальных частей армии, неготовность мостовых сооружений и замедление в движении понтонных парков, а также и разлив Дуная. Таким образом 12-й корпус имел почти трехнедельный отдых, что было очень кстати; во время крайне тяжелого форсированного похода, войска утомились, люди подбились, одежда обувь нуждались в исправлении.

Еще 5 мая (в Плоешти) предписывалось войскам имея в виду остановку корпуса в окр. Михалешт озаботиться медицинским осмотром людей, исправлением обуви, одежды, снаряжения, осмотром лошадей, приведением в порядок сухарного запаса, конского снаряжения и вообще всей материальной части, осмотром и возможным исправлением дорог, мостов, устройством почтовых сообщений и т. д:

Войскам приказано было по приходе на конечные пункты принимать муку и печь хлеб; остальное довольствие должно было быть принимаемо из складов товарищества; но эти склады не были организованы и потому войска начали затрудняться во многом, между прочим в фураже и в особенности сене, так как старые запасы истощились, а новых еще не было.

Агенты товарищества, показавшиеся сначала на пунктах остановок войск, не имея возможности доставить продуктов удовлетворить войска, делали попытки получать от войск квитанции за деньги и затем скрывались.

При самом настоятельном требовании от войск, агенты товарищества иногда привозили один-два воза самого дурного ржавого сена и затем снова исчезали; войска вынуждены были сами хлопотать о покупке фуража; некоторые артиллерийские парки, донося о неполучении сена от товарищества, сообщали, что они сами покупают его, обозначая цену от и руб. 30 коп. до 1 руб. 60 коп. металлических за пуд; скоро, однако, недостаток фуража мог быть восполнен травой; южное солнце, пригревши влажную почву, вызвало роскошную растительность; войскам корпуса приказано было (приказание 18 мая) нанимать луга и косить сено; нанимать луга было до такой степени выгодно, что пуд сена обходился от 5 до 10 коп.

21 мая было предписано войскам, пользуясь обстановкою возобновить подготовку войск к бою, причем рекомендовались соответствующие обстоятельствам приемы обучения; между

прочим указывалось на особенности тактики турок, способность их к самоокапыванию и к оборонительным действиям за укреплениями. Кавалерии предложено продолжать практику в разведывательной службе. Занятия по этим рекогносцировкам с офицерами 12-й кавалерийской дивизии были представлены и рассмотрены в корпусном штабе 9 июня уже в г. Мавродине. Командир корпуса объявил об этих усердных и деятельных занятиях в 12 кавалерийской дивизии в приказе по корпусу.

Во время стоянки в Михалешти в первый раз воспользовались полевым телеграфом (6 телеграфный парк) для соединения штабов и отдельных частей войск с Бухарестом (причем, между прочим, предписано было, чтобы телеграммы были не более 40 слов).

Продолжительная стоянка 12 корпуса под Бухарестом в окрестностях Михалешти освежила войска; каждый день в корпусном штабе играл очередной хор музыки; сюда съезжались со всех частей войск офицеры в казначейство с поручениями и за приказаниями и т. д.

Чтобы еще более оживить сношения и поддержать хорошее настроение и сблизить общество ввиду предстоящих трудов предположено, пользуясь прекрасной усадьбой в Михалешти, решено было устроить пикник для офицеров 12-го корпуса; на это предложение все отозвались очень сочувственно; вечер был устроен чрезвычайно оживленный; положено было, чтобы расход для обер офицеров не превосходил бы 3 руб. Вечеру способствовала красивая местность Михалешти, прекрасный помещичий дом, окруженный цветниками, которые поддерживались в удивительном порядке; эта благоустроенная усадьба, как и в других местах Румынии составляла контраст с нашими заглухшими русскими помещичьими имениями. Прекрасная погода, тихий, южный и при том майский вечер, несколько хоров музыки, иллюминация, фейерверк над озером и рекой, открытый буфет и затем ужин - все это способствовало оживлению общества. На праздник приглашены были русские дамы, приехавшие из России ввиду долгой стоянки войск на месте; в штаб близстоящего 8 корпуса также послано было приглашение.

Выше было упомянуто, какое вообще благоприятное впечатление произвел на всех русских город Яссы своим сравнительным благоустройством. Такое же впечатление производила почти вся Румыния (Молдавия лучше, нежели Валахия).

Свободные политические учреждения оказали благотворное влияние на развитие страны. Правда интеллигенция не живет народной жизнью; она самым усердным образом подражает европейским порядкам.

В Румынии очень либеральная конституция; свобода печати безгранична, народная масса не доросла до таких свободных учреждений, но врожденная кротость и мягкость народа (объясняется отчасти итальянским происхождением румын) делают то, что эта свобода не переходит в произвол. Консервативная партия более богатая, стояла тогда, как и теперь, не у дел; заправляли всем либералы, а консерваторы утешались тем, что они нарочно дали ход этой партии, так как если бы они стояли в главе, то либеральная партия "Lague", как они ее называют, не сидела бы спокойно, а проявляла свою буйную и непокойную деятельность в уличных беспорядках; но едва ли это справедливо; надо посмотреть в каком спокойном порядке совершаются у них всенародные манифестации (между прочим, торжественное празднование объявления независимости Румынии). См. интересное описание этого праздника г. Максимова "Две войны."⁹ Румыны тщеславны, чванливы, но у них много самообладания и при том они не лишены известного политического такта.

Города их уже носят зачатки благоустройства; даже незначительные местечки замощены и шоссированы. Пользуясь свободными часами во время похода, я в некоторых небольших городах заходил в школы, больницы и тюрьмы, везде лежит отпечаток порядка, опрятности и чистоты, всюду разведена и поддерживается растительность, тщательно содержатся цветники; в больницах видна заботливая и мягкая рука женщины, опрятные помещения, чистое белье, чистый воздух, хорошая вентиляция и т. д.

Но среди этих благоприятных явлений народ все-таки беден и зависим, потому что невежествен. Народной промышленности не существует; полная экономическая зависимость

от иностранцев; евреи также сильно захватили производительные силы страны. Обстановка народных жилищ неудовлетворительна, видно, что он не освободился еще от гнета и произвола администрации и чиновничества; - может быть поэтому в нем, недовольном своим необеспеченным землею положением, существует какое-то особое чувство к нашему Государю, за освобождение нашего русского крестьянина с землей.

Во время производимых нашими офицерами Генерального Штаба рекогносцировок, даже в самых глухих местностях Румынии, они находили у крестьян портрет нашего Государя, которого они называли своим Царем.

Для водворения и поддержания порядка в Румынии, начиная с внешнего благочиния, очень много сделал нынешний король Карл; поставив свой двор на хорошую ногу, - он занялся войсками и много сделал в этом отношении; офицеры имеют тон несколько чванный, но во всяком случае, довольно приличный, и держат себя вообще с достоинством; в наружном отношении, начиная с формы одежды, у них много заимствованного от французов, как и вообще в нравах всего интеллигентного класса румын; иногда даже слишком, например свобода женщин превзошла в этом отношении оригинал; страсть к нарядам выходит из пределов. По замечанию одного корреспондента, прежние простые румынские женщины обратились в дам --... и от этого, конечно, не много выиграли. Русские с самого начала и до конца относились к румынам и к их войскам несколько свысока, подтрунивая над их слабыми сторонами, но это "свысока" не имело за собою особого основания; самая большая вина румын перед нами заключается в том, что они составляют небольшую национальность и в политическом отношении не имеют еще твердой опоры; румыны приняли нас без всякого энтузиазма; впрочем сочувствие проявлялось смотря по местностям: в городах, где господствовала либеральная партия, на нас смотрели довольно враждебно.

Казалось, русские не могли примириться с тем, что те самые румынские войска, которые в 1854 году были так легко обезоружены, через двадцать три года получили другой характер. Говорят, когда Румыния вследствие желания нашего взять обратно Румынскую Бессарабию, показала нам враждебное настроение, кто то намекнул о возможности обезоружения, тогда Карл Румынский сказал: "войска мои могут быть разбиты, уничтожены, но обезоружены - никогда."

В конце мая Государь Император прибыл к армии в Плоешти. Государь не желал войны; сердце нашего Государя было на стороне известного изречения Карлейля: что "тихий солнечный луч благотворнее свирепой бури," поэтому перед войной употреблены были всевозможные усилия, чтобы избежать кровопролития; русское правительство делало уступки за уступками, но наконец напряжение дел дошло до крайних пределов; далее вести переговоры было невозможно; война была объявлена, а раз она была решена, Государь пожелал быть при своей армии. С прибытием Государя румынское правительство, почувствовав опору, объявило в июне независимость княжества.

В Плоешти приезжал Сербский Князь; в Плоешти же получило окончательную организацию болгарское ополчение. Это было ядро будущей армии независимой Болгарии, русские шли освобождать болгар, и сами болгары должны были принять участие в освобождении своей родины; ценится только та свобода, которая достается кровью и жертвами сынов освобождаемой страны.

Первым актом - первым делом для исполнения задачи войны была переправа через Дунай; к этому делу начали приготовления с началом мобилизации; еще в октябре 1876 г., при составлении плана войны: обсуждался вопрос о месте переправы через Дунай; как по стратегическим, так по политическим соображениям пунктом переправы избран был Зимница-Систов.

С сформированием армии приступили к составлению соображений для исполнения переправы, решено было кроме саперных и инженерных средств располагаемых армиею заготовить составные части моста, плоты, понтоны в румынских лесах на границе с Трансильванией и воспользовавшись р. Ольтою спустить мостовые части в Дунай, к месту

переправы.

Удобное время для переправы через Дунай признается обыкновенно март месяц, когда вода от стоявших снегов пройдет и река снова входит в свои берега; затем в апреле и мае, от таяния снегов в горах у источников, начинается новая прибывь воды, которая проходит к июню месяцу, но в 1877 году вследствие дождливой весны, Дунай в начале июня был в полном, небывалом разливе; около Зимницы. Дунай представлял целое море, так, что первоначальный план переправы через Дунай, против Систова, встречал, по-видимому, неодолимые препятствия; офицеры, посланные на рекогносцировку, доносили о затруднениях к переправе в этом пункте от половодья; обстоятельство это заставляло принять новое предположение: произвести переправу у Турну-Магурелли - против Никополя; но пункт этот представлял очень много неудобств прежде всего потому, что Никополь был хотя незначительная, но тем не менее, крепость.

В начале июня начальники корпусных штабов были вызваны в Плоешти для получения инструкций и приказаний, касательно сосредоточения войск к Никополю, где 12 июня предположено было произвести переправу, вместе с тем войска получили распоряжение о сосредоточении к Дунаю.

Перед дальнейшим походом 12 корпуса сделано было распоряжение об оставлении всех лишних вещей в Бухаресте в казарме Куза, для чего испрашено особое разрешение румынского правительства. Для присмотра за вещами оставлены были слабые люди, а в сел Калагурени (близ Капочени) предписано было 12 кавалерийской дивизии устроить конский лазарет, куда приказано было сдавать всех больных лошадей корпуса.

В начале июня 12 корпус получил приказание перейти к Мавродину, откуда к 12-му июня он перешел к Броску в 4-х верстах от Драча, где расположилась уже Императорская и Главная квартиры.

При этих движениях, так как приходилось двигаться по малоизвестным проселочным дорогам и при том размытых проливными дождями, то впереди колонн наряжались особые команды в роде саперных; при авангардах, за колоновожатаго находился офицер (согласно упомянутого выше распоряжения по корпусу) на обязанности его лежало выбор и указание дорог чтобы войска не сбивались с пути, поддержание связи в эшелонах, выбор бивачных мест и т. д.

Выезд Главнокомандующего из Плоешти сопровождался большим секретом; неохотно отрешаясь от первоначального плана переправы у Зимницы, Его Высочество 9-го или 10-го июня, в сопровождении Начальника Штаба армии и немногих лиц произвел лично рекогносцировку Дуная; при этом замечено было что вода начала значительно убывать и, что в несколько дней спадение воды будет на столько значительно, что это дало возможность снова обратиться к первоначальному плану переправы через Дунай-против Систова.

Вследствие этого, назначенная переправа на 12-е июня, была отсрочена на несколько дней, между прочим, и потому, что не все понтонные парки могли прибыть по маршруту; переправа была окончательно решена у Зимницы на 15 июня. Все это содержалось в величайшем секрете; для отвлечения внимания турок от Систова, против Рушука и Никополя-открыто было усиленное бомбардирование, у Зимницы против Систова была полная тишина; внимание турок было особенно привлечено к Никополю, куда вызжал Государь Император с многочисленною свитою, для наблюдения с высокого кургана за действием осадных батарей у Турну-Магурелли (против Никополя).

14 июня получено было приказание 12 корпусу из Броска перейти к Лиссе в окрестности Пятра (12-й кавалерийской дивизии к г. Александрии) с рассветом 16-го июня. Около 8 часов утра 12 корпус уже становился на бивуаки; я объезжал и осматривал места бивачного расположения, чтобы равномернее распределить между частями войск воду, находящуюся здесь в незначительном количестве; в это время с противоположной горы показалась коляска запряженная четверкою лошадей; когда коляска приблизилась (было 9 ч. утра) в ней оказался Начальник Штаба армии генерал-адъютант Непокойчицкий ***, который сообщил, что с

рассветом начавшаяся переправа у Зимницы идет успешно и, что он едет туда для направления дальнейших действий; получив приглашение Начальника Штаба армии ехать немедленно в Зимницу (20 верст) чтобы на месте получить приказание для дальнейшего движения 12 корпуса, и, испросив на это разрешение командира корпуса, я немедленно туда отправился; по дороге я встретил уже первых раненых, прежде всех флигель-адъютанта, полковника Преображенского полка Озерова.

*****Непокойчицкий** (фон-Упру) Артур Адамович родился в 1813 г., Происходил из старого немецкого рода фон-Упру, переселившегося в Польшу в м. Непокойчице. В своей жизни он достиг больших высот в военной и государственной деятельности благодаря высокой работоспособности, героизму и отваге, граничащими с безрассудством. К концу службы Непокойчицкий имел чины генерал-адъютанта и генерала от инфантерии. По окончании военных действий Непокойчицкий А.А. удостоился чести быть назначенным членом Государственного Совета.

В Зимнице я слышал последние выстрелы на систовском берегу; на телеграфной станции я застал генерал-адъютанта Непокойчицкого, который в это время собрав первоначальные сведения о ходе переправы, отправлял депешу Великому Князю; в то время потерю убитыми и ранеными определяли всего до 200 человек¹⁰. Генерал-адъютант Непокойчицкий доносил Главнокомандующему, что ввиду успешности переправы он приказал двинуть немедленно 12 корпус к Зимнице; отправляясь к самому месту переправы, генерал-адъютант Непокойчицкий пригласил меня с собою в коляску и мы вместе поехали к месту посадки войск; версты 3 1/2 от Зимницы, по дороге генерал-адъютант Непокойчицкий передал мне подробности плана и самой переправы, причем ввиду трудности и важности этого дела в Главной квартире полагали,

что потеря могла быть до нескольких тысяч; был уже второй час дня, когда мы подъехали к пристани, около которой усердно хлопотал командир саперной бригады генерал-майор Рихтер, на поздравление с благополучною переправкою, он отвечал, что не все еще окончено и недостаточно обеспечено, опасаясь не так наступления турок против переправившихся войск, как попыток против самой переправы со стороны турецких мониторов из Рущука. На турецком берегу было вид но ясно движение наших войск, бригада генерала Петрушевского 14-й пехотной дивизии, имея впереди стрелковую цепь, вступала в эту минуту в Систов.

Возвратившись вместе с генерал-адъютантом Непокойчицким обратно в Зимницу, я немедленно отправился на встречу выступившему уже из Диссы 12 корпусу; около 8 часов вечера я встретил первый эшелон корпуса; расспросам не было конца; солдатики, еще прежде, спрашивали встречаемых раненых и первый вопрос был, как дрались: в ранцах или без, и, получая ответ, что без ранцев говорили: "ну слава Богу"; раненые вообще не унывали, но рассказывали, как вообще в подобных случаях, самые невероятные вещи о своих впечатлениях, потерях и т. д.

Войска 12 корпуса в порядке, хотя в совершенной темноте, бодро двигались по дороге; решено было остановить корпус не доходя Зимницы на биваке, чтобы не вступить в город ночью; уже поздно, располагались войска на бивачных местах с рассветом 16-го июня, приказано было продолжать путь к Зимнице, где и расположиться в ожидании дальнейших распоряжений; в продолжении дня войска 12 корпуса заняли указанные места; а после полудня прибыл в Зимницу Государь Император.

По дороге войска были выстроены для встречи Государя у своих биваков: Государь немедленно посетил раненых; оказывая им свое милостивое внимание, награждая страдальцев, как словом утешения, так и боевыми отличиями; Государь был также

милостив к медикам и сестрам милосердия, которые, с этого времени, начали свою многотрудную, почтенную деятельность.

Быстро двинутые, почти по тревоге, войска 12-го корпуса полагали, что им предстоит немедленная переправа; переправа передовых войск вообще продолжалась довольно быстро на паромах и баржах буксируемых пароходом Annelte взятым в мае еще под Никоподем, близ Фламунды 8-ю кавалерийскою дивизиею, но до наведения моста все же не так успешно; в особенности на той стороне ощущался недостаток в кавалерии, которую трудно было перевозить на паромах, а потому переправившаяся пехота очень тревожно стояла за Дунаем, не имея определенных сведений о неприятеле и о ближайшей местности. О наведении моста отдано было приказание еще 15 июня; к чему приступили энергически, работа шла быстро, мост был готов уже 19 июня; 17 июня дали знать, что со стороны Рушука показался монитор, и действительно турецкий пароход сделал было попытку подойти к Систову, но не дойдя до д. Бардина остановился и далее не пошел. Тем не менее движение парохода наделало много тревоги, в особенности лицам заведующим переправою.

17 июня приказано было "от каждого пехотного полка и артиллерийской бригады выслать по 150 человек гребцов; в числе которых должны быть по 20 плотников с топорами".

18 июня мы ездили через Дунай на лодках в Систов, чтобы посмотреть этот турецкий город, оставленный однако турецким населением до последнего человека; в то время еще там стоял штаб 8-го корпуса 14 пехотной дивизии и других частей; виделся с генералом Драгомировым и другими главными деятелями переправы, затем ознакомившись с городом возвратились к берегу, где и зашли в болгарский ресторан; нас было 5 офицеров; нам дали что-то вроде ужина из двух блюд, бутылку красного вина и по чашке турецкого кофе - все это с нас взяли 4 $\frac{1}{2}$ франка и в придачу, на память, предлагали кайме (бумажные турецкие деньги).

Упоминаю об этой подробности для сравнения с дороговизною, которая существовала в г. Систове спустя несколько месяцев.

В Зимнице расположились Императорская и Главная квартиры армии и, в ожидании переправы, сюда же подходила вся армия. 17 июня войскам 12-го корпуса с другими отдельными частями произведено было торжественное молебствие в присутствии Государя Императора, хор певчих составили офицеры из полков этого корпуса; по окончании молебствия Государь приказал взять на караул для отдания чести Главнокомандующему и ближайшим его сотрудникам, а также участникам блестящей переправы. Государь обнял Великого Князя, пожаловал Его Высочеству Георгия 2-й ст., генерал-адъютанту Непокойчицкому Георгия 3-й ст., тут же были награждены и другие участники в переправе.

Когда установлен был мост 19 июня войска получили расписание порядка переправы их через Дунай, причем для дальнейшего действия за Дунаем к Плевне, Ловче, Сельвии, Тырнову и Рушуку сформированы были отряды.

Первым, из войск 12 корпуса, переправился 19 июня по вновь устроенному понтонному мосту 129 пехотный Бессарабский полк; переправа производилась ночью, но очень осторожно, во избежание порчи моста. Только к утру полк успел подняться на крутой правый берег у Систова и расположиться у шоссе по дороге на Царевич.

19 июня объявлено по войскам корпуса, чтобы при переправе через мост на Дунай иметь обозы запряженные с выносом, при каждой лошади иметь по одному человеку, чтобы удерживать их во время переправы в полном спокойствии. На конце моста иметь от каждого полка роту для помощи при втаскивании обозов на высокий мало разработанный подъем; на острове Адде (сыпучий и вязкий грунт) также оставлять одну роту.

Предписано было также, чтобы избежать столпления войск у переправы, присылать заблаговременно офицеров, для своевременного извещения частей, о времени выступления к переправе; при чем приказано частям не останавливаться в конце мостов для сбора, а следовать прямо к назначенным им пунктами 21 июня предписано об осторожном

обращении с военно-походными телеграфами, которые, при небрежном к ним отношении часто повреждались.

21 июня подтверждено войскам корпуса., чтобы правила, объявленные относительно дружелюбного отношения к мирному населению и неприкосновенности имущества у жителей по переходе войск за границу, соблюдались строжайшим образом и в Болгарии, куда русские войска вступают, именно, для водворения правильного управления и уничтожения турецкого произвола.

22 июня последовал приказ по действующей армии о формировании Рушукского отряда под начальством Наследника Цесаревича, из 12-го и 13-го корпусов; командир 12 корпуса генерал-лейтенант Ванновский назначен был и. д. Начальника штаба Рушукского отряда, а командиром 12 корпуса Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович; по первоначальному предположению Рушукский отряд должен был, по переходе армии через Дунай, составить фас против 4-х угольника турецких крепостей, идти к Рушуку и, разбив армию его прикрывающую, обложить эту крепость и затем, при помощи Журжевских береговых батарей и парка обложения, взять эту крепость.

Утром 22 июня начали переправляться остальные части 12 корпуса; первую переправилась 12 кавалерийская дивизия, имея впереди 12 казачий полк и двинулась к Павло, где и расположились биваком, выставив в первый раз свои посты с боевым назначением, высылая разъезды к р. Янтре. После полудня 22-го июня перешла через Дунай 38 пехотная дивизия и расположилась на ночлег у урочища Виноград (или Сырояр). 23 июня утром перешел через Дунай корпусный штаб с 37 казачьим полком и расположился в д. Царевич.

12 пехотная дивизия переправилась через Дунай 24 июня; 45 пехотный Азовский полк направлен был через Вардин к Кривне и Новограду; остальные воевали у Царевича.

Таким порядком 12-й корпус вступил в Болгарию. Страна, в которую мы входили, представляет край вообще малонаселенный, в пограничном пространстве которого, вдоль Дуная, и в городах сосредоточивалось довольно многочисленное турецкое население. Восточная Болгария имеет вообще значительный процент мусульман; во всех же пограничных селениях с Сербией, так и по Дунаю, в виде кордона, были поселены черкесы, эмигрировавшие с Кавказа; жилища черкес, по распоряжению турецкого правительства, были выстроены руками болгар; черкесы предназначались быть оплотом против русских и на их ненависть к нам турецкое правительство возлагало большие надежды; одною из причин нашего заступничества за болгар были неистовства черкес, которые, сохраняя прежние свои инстинкты, не могли сделаться вполне мирными, а потеря родины поддерживала к нам неодолимую злобу. Таким образом изгнание их с Кавказа привело к скорейшему исчезновению вообще этого племени. С приближением русских все турецкое население и черкесы, по распоряжению турецкого правительства, уходили поголовно. В Царевиче мы в первый раз видели оставленные черкесами жилища; сакли их, как в кавказских аулах, были окопаны глубокими рвами, заросшими колючками, и потому были очень удобны для упорной обороны; пусто и мертво было теперь в этих жилищах, только оставленные собаки бродили стаями по деревне, а ночью, собравшись на выездах, поднимали невыносимый вой. Оставшиеся в Царевиче болгары апатично встречали наше пришествие; кругом царил известный беспорядок походной жизни, увеличенный хаосом занятия жилищ, оставленных бежавшими жителями.

Между тем передовые войска Рушукского отряда, двигаясь на восток к р. Янтре, заняли Бельский мост и самую Белу, не встречая почти неприятеля, без всякого сопротивления. Таким образом, стратегические позиции у Белы достались нам без всякого усилия; предстояло дальнейшее движение к Рушуку, от живописной р. Янтры, в треугольник образуемый Янтрой, Ломом и Дунаем. Местность на востоке от Систова к Янтре представляла всхолмленные возвышенности, пересеченные довольно большими балками; а за Янтрою страна перерезывается четырьмя реками: Баницкий Лом, Кара-Лом, Соленик-Лом и Белый Лом, которые сливаются в одном устье перед впадением в Дунай близ

Рущука. Эти 4 реки перерезывают страну и образуют местность чрезвычайно удобную для обороны. Поверхность этой страны состоит из непрерывного ряда холмов с волнообразным характером; некоторые возвышенности покрыты лесом; разнообразие долин рек представляют прелестные и живописные ландшафты. Поля везде были почти сплошь засеяны; превосходная почва, при влажной весне, дала роскошную растительность; поля были усеяны на расстоянии 30-100 шагов отдельными деревьями: грушами, грабом, дубом и т. д.; они дают тень, прохладу и вместе с тем жизнь посевам, словом, это то, о чем нередко мечтают только даже более культурные страны.

На расстоянии 3-4 верст друг от друга фонтаны, с резервуарами чистой воды; в этом отношении турки оказали великое благодеяние стране; этот обычай, освященный религией, поддерживается с каким-то священным благоговением; на камнях фонтанов высечены изречения из Корана; эти чудесные фонтаны представляют в высшей степени и приятное, и полезное, явление; богатые люди в том числе и болгары часто завещают значительные суммы на устройство новых фонтанов. Один путешественник, проезжая по стране незадолго до прихода русских, между прочим, говорит о ней: "трудно себе вообразить край более плодородный, и более привлекательный, и веселый; стада буйволов, лошадей, пасутся на лугах; деревья, с массою листвы самым прихотливым образом рассеянные по полям, похожи, издали, на зеленые булавки, воткнутые в роскошный ковер. Повсюду болгары в барашковых шапках и турки в тюрбанах - пашут, косят, гонят скот. Хлебные поля начинали желтеть, везде виноградники. В каждой самой маленькой деревне у жителей доброе местное вино красное и белое. На некотором расстоянии друг от друга, близ дорог каменные фонтаны превосходной воды с водоемами для скота. Нет ни одного источника в долинах, которые не были бы разработаны мусульманами в фонтаны, на лицевой стороне, которых, обращенной к Мекке вырезаны изречения из Корана. Это великое благодеяние для страны, так как сами болгары пили бы воду из нездоровых, вонючих, колодцев и цистерн или из ручьев возмущенных ногами их же буйволов".

Во всей Турции по главным путям проложены шоссе, есть и железные дороги, через реки построены мосты, например: Бельский мост представляет красивое и прочное сооружение. Турки его не тронули и вообще они вели войну без разрушения; оставление в целости Барбошского, Бельского, Тырновского мостов можно было бы объяснить, как бы немим протестом их против войны, если бы турки других случаях воздерживались от неистовств.

Таким образом, живописные реки Янтра и Лом, омывая плодородный и прекрасный угол Болгарии, производили вместе с цветущей страной приятное впечатление.

Болгары, имея плодородную землю, живут по преимуществу в деревнях, и, имея много скота и хлеба, ведут скромную земледельческую жизнь, они по своему характеру и складу жизни похожи на малороссиян; отрезанные Дунаем и мусульманским господством от Европы, они изолированы от хороших и дурных сторон европейской жизни.

Мусульманство между тем положило на всем свой особый отпечаток. "Исламизм подобно молнии, говорит Le Normant, куда упадет, там остается только темное, выжженное пятно" но с другой стороны, этот же исламизм избавил болгар от многих дурных сторон нашей цивилизации; они не знали многих соблазнов и дурных сторон европейской цивилизации; они честны, трезвы, добродушны, женщины их целомудренны, дети крепки и здоровы. Вообще болгары, несмотря на гнет турецкой администрации, сохранили телесную и душевную крепость, спасли свою национальность, свою веру, язык и обычаи; в самое неблагоприятное для себя время они выдержали религиозную борьбу с греками, отстояв для себя независимую церковь.

В Болгарии довольно много школ, стремление к образованию в народе чрезвычайно сильно. Остановившись в болгарских домах, уже после войны, везде встречались группы детей, которые очень громко, очень усердно, выкрикивали уроки, как бы желая наверстать потерянное войною, время; самое убийство в с. Батаках, где вырезано, как говорят, 400 учеников, показывало с одной стороны зверство турецких башибузуков и черкесов, а с

другой процветание болгарских школ.

Жилища болгар не особенно изысканны, но чисты и опрятны, во всяком случае они живут лучше большинства русских крестьян ¹¹, стекол в домах нет, их заменяют пузырь и бумага; объясняют тем, что за стеклянный рамы турки назначали особый налог; железа очень мало в употреблении и если определять цивилизацию количеством употребляемого железа то культура их вообще не на высокой степени.

Вот в общих чертах очерк страны, в которую мы вступили для её освобождения. Скоро эта прекрасная страна подверглась всем последствиям войны; прежде всего турецкие отряды или лучше сказать черкесы, башибузуки, чтобы лишить русских необходимых ресурсов, уходя, разоряли ее самым бесчеловечным образом; грабежи, пожары, насилия, убийства, угон скота, разорение фонтанов, словом, явились все ужасы, которые повторялись здесь как мрачный припев прежней жизни, несвободной Болгарии.

Сделав необходимое отступление, продолжаю описание дальнейших действий 12 корпуса. 24 июня приказом по корпусу в Царевиче предписано дальнейшее движение 12 корпусу в следующем порядке:

1) 12 кавалерийской дивизии идти из Белы на Рушук к д. Дольный Монастырь, для наблюдений за дорогами из Шумлы, Разграда и Рушук, с высылкою отряда к Копровице для охранения правого фланга корпуса.

2) 33 пехотная дивизия с корпусной артиллерией ¹² сосредоточиться на левом берегу Янтры и г. Белы, выдвинув один полк с батареею по дороге на Рушук, на правый берег Янтры впереди Белы.

3) 12 пехотной дивизии к Павло, отделив Азовский полк к Новограду и Кривне.

4) 6 телеграфный парк в Павло, не снимая станции у Царевич, устанавливает линию до Белы, со станциями Павло и Бела.

5) Корпусный штаб с 37 казачьим полком в Павло.

6) Парки и интендантские транспорты к ручью Пенде-Куредере.

24 июня приказанием по корпусу в Царевич было сделано распоряжение об организации канцелярии штаба Рушукского отряда, при чем объявлено на 25 июня приказание о встрече Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, начальника Рушукского отряда.

24 июня 12 кавалерийская дивизия перешла от Павло к Беле, выслав за Янтру к Дольному Монастырю 12 казачий полк; один из разъездов этого полка под начальством урядника Шешурина, не доходя Дольного Монастыря был встречен небольшою партией башибузуков, засевших во рвах и огородах.

Казаки открыли перестрелку, турки отступили.

24 июня кавалерия заняла г. Белу и выслала разъезды вдоль левого берега Янтры. Один из разъездов (гусары Ахтырского полка и казаки) у д. Чаушкиной наткнулись на партию черкес, которые были отброшены за Янтру, причем был ранен командир 1-го эскадрона Ахтырского гусарского полка майор Сискевич.

В этот же день 33-я дивизия передвинулась сначала к Павлу и затем вследствие полученных тревожных донесений, форсированным маршем к Беле.

25 июня кавалерия из Белы перешла к Дольному Монастырю. 12 пехотная дивизия со штабом 12-го корпуса перешла в Павло.

26 июня все приготовились в Павле встретить начальника Рушукского отряда наследника Цесаревича и командира 12 корпуса Великого Князя Владимира Александровича. На встречу Их Высочеств был выслан и эшелонирован по дороге почетный конвой от 37 Казачьего полка. Великие Князья совершили переход из Царевича в Павло верхами. Все население Павло вышло с цветами и флагами на встречу сыновей Русского Царя; болгарские дети стояли у въезда в деревню, по обеим сторонам дороги, и приветствовали Великих Князей пением. Наследник Цесаревич, сошел с лошади, принял простое, но трогательное приветствие болгарского народа и, поцеловав крест, вынесенный болгарским священником, вошел в приготовленное помещение, где Его Высочеством отдано было приказание о

дальнейших движениях и действиях Рушукского отряда.

Так фактически совершилось вступление в командование войсками этого отряда Наследника Цесаревича и 12 Корпуса Великого Князя Владимира Александровича.

Великий князь Владимир Александрович. Июль 1892 г.
Фотограф К.Шапиро.Паспарту 25 x 17; 15,5 x 22.
ГА РФ. 652- Оп.1. Д.1011. Л.12.

Примечания автора

1. Перед выступлением корпуса из Оргиева, прибыл к корпусу сформированный в Киеве взвод полевых жандармов. Это было совершенно новое учреждение, как оказалось впоследствии в высшей степени полезное, о чем будет сказано ниже.
2. Лучшие извозчики - русские эмигранты-сектанты (в числе их и скопцы).
3. Выдача войскам печеного хлеба была очень хорошою и полезною в гигиеническом отношении и небывалою до сих пор мерою, печеный хлеб, вместо сухарей, спасает войска от развития кровавых поносов.
4. Тайна до такой степени сохранялась, что, например, команды выздоравливающих из госпиталей бухарестских, по неведению комендантов, отправлялись по железной дороге в Плоешти, т. е. на север, когда корпуса их стояли, уже две недели, под самым Бухарестом на юг от него.
5. Относительно организации полевых почтовых учреждений будет сказано ниже; здесь же следует упомянуть, что полевое почтовое отделение при 12 корпусе, своими в высшей степени добросовестными трудами заслуживает благодарного воспоминания.
6. Я нарочно взвесил во время пути походное снаряжение солдата и оно оказалось около 2-х пудов.

